

RU

Суггестия, контрсуггестия и алгоритмы цифрового идеологического господства

Трунов А. А.

Аннотация. Цель статьи – философско-антропологическое обоснование психосоциальных механизмов цифрового идеологического господства на основе реконструкции концепции Б. Ф. Поршнева. В статье раскрывается диалектика суггестии, контрсуггестии и контр-контрсуггестии как философско-антропологическое основание теории идеологии; выстраивается историческая типология форм идеологического господства от прямой суггестии до алгоритмической рациональности; обосновывается структурный предел цифровой суггестии через концепт избыточности человеческого; вводится и концептуализируется понятие псевдоубеждения как специфической формы цифровой идеологии. Научная новизна состоит в следующем: впервые систематически обоснована концепция суггестии-контрсуггестии как философско-антропологический фундамент теории идеологии посредством синтеза идей Б. Ф. Поршнева, А. Гелена и М. Фуко; разработано разграничение манипуляции, классической идеологии и псевдоубеждения как трех принципиально различных механизмов воздействия, различающихся по отношению к рефлексии субъекта; доказана структурная незавершенность алгоритмической параметризации субъекта в условиях цифрового капитализма, обусловленная онтологической несводимостью человеческого опыта к совокупности измеримых поведенческих данных. В результате установлено, что алгоритмическая рациональность нейтрализует контрсуггестию изнутри, имитируя процедуру верификации убеждения, а не отвергая ее открыто.

EN

Suggestion, counter-suggestion, and the algorithms of digital ideological domination

A. A. Trunov

Abstract. The aim of this article is to provide a philosophical-anthropological grounding for the psychosocial mechanisms of digital ideological domination through a reconstruction of B. F. Porshnev's conceptual framework. The article exposes the dialectic of suggestion, counter-suggestion, and counter-counter-suggestion as a philosophical-anthropological foundation for the theory of ideology; develops a historical typology of forms of ideological domination ranging from direct suggestion to algorithmic rationality; establishes the structural limit of digital suggestion through the concept of human excess; and introduces and conceptualizes pseudo-conviction as a specific form of digital ideology. The scientific novelty of this study is threefold. First, the concept of suggestion – counter-suggestion is systematically substantiated for the first time as a philosophical-anthropological foundation for the theory of ideology through a synthesis of the ideas of B. F. Porshnev, A. Gehlen, and M. Foucault. Second, a distinction is drawn between manipulation, classical ideology, and pseudo-conviction as three fundamentally distinct mechanisms of ideological influence, differentiated by their respective relationships to the subject's capacity for reflection. Third, the structural incompleteness of the algorithmic parameterization of the subject under digital capitalism is rigorously demonstrated, shown to be a consequence of the ontological irreducibility of human experience to any aggregate of measurable behavioral data. The results demonstrate that algorithmic rationality neutralizes counter-suggestion from within, not by openly rejecting the procedure of belief verification, but by simulating it.

Введение

Проблема идеологии в условиях цифровизации остается одной из наиболее дискуссионных в современной философии и социальных науках. Существующие подходы, от теории надзорного капитализма Ш. Зубофф (2022) до критической теории цифровизации К. Фукса (Fuchs, 2020), фиксируют феноменологию алгоритмического контроля, однако не затрагивают вопрос о психосоциальных механизмах, посредством которых идеологическое господство воспроизводится на уровне индивидуального и коллективного сознания.

В новейших публикациях по данной теме прослеживаются несколько взаимосвязанных позиций. А. Бьюкенен и Э. Левинсон систематизируют существующие подходы к определению идеологии, указывая на принципиальное различие между нейтральными и критическими концепциями (Buchanan, Levinson, 2024). Д. Шмидтц разграничивает философию и идеологию через их отношение к фальсифицируемости (Schmidt, 2024). Н. Гондек, Г. Тутак и Ю. Гондек анализируют идеологическое измерение алгоритмических систем, демонстрируя, что алгоритмы не являются нейтральными посредниками, но воспроизводят определенные ценностные ориентации (Gondek, Tutak, Gondek, 2025). С. Н. Федорченко (2024) рассматривает цифровые платформы как «идеологические аппараты» нового типа, осуществляющие ремифологизацию политического сознания. В. А. Бажанов (2022) описывает механизм «эхо-камер» как структуру, при которой конкурирующие суггестии системно исключаются из информационного пространства субъекта. Д. Спор фиксирует роль алгоритмической персонализации в усилении идеологической поляризации через механизмы «пузырей фильтров» (Spohr, 2017). А. Бьюкенен разрабатывает концепты «дефектной социально-эпистемической среды» и «доксастической иммунной системы» идеологии как механизмов, посредством которых господствующие иерархии воспроизводят свое социальное доминирование (Buchanan, 2025). Ни один из перечисленных подходов не ставит, однако, вопроса о глубинном психосоциальном механизме, на уровне которого идеологическое воздействие конституирует субъекта прежде всякой рефлексии. Существенный объяснительный потенциал для восполнения этого пробела содержится в концепции Б. Ф. Поршнева (1905-1972 гг.), незаслуженно оттесненной на периферию философского дискурса (Магун, 2017).

Еще во второй половине XX в. Б. Ф. Поршнев (2010) предложил модель, в которой исходной «клеточкой» социально-психических отношений выступает суггестия, то есть непосредственное влияние слова на психику другого человека. В диалектике суггестии, контрсуггестии и контр-контрсуггестии Б. Ф. Поршнев усматривал движущий механизм исторического развития сознания. Настоящая статья опирается на гипотезу о том, что алгоритмическая рациональность цифрового капитализма представляет собой исторически беспрецедентную форму контр-контрсуггестии. Она не просто подавляет контрсуггестивные механизмы конкретного субъекта, но интегрирует их в производство цифрового идеологического господства.

В соответствии с этим решены следующие задачи:

- реконструирована концепция Б. Ф. Поршнева как философско-антропологическое основание анализа современных идеологических механизмов;
- разработана историческая типология суггестии и контрсуггестии, выявляющая логику их трансформации от архаических форм к цифровым;
- определены механизмы, посредством которых алгоритмическая рациональность функционирует как контр-контрсуггестия нового типа;
- выявлен структурный предел цифровой суггестии через категорию избыточности человеческого;
- обосновано псевдоубеждение как специфическая форма цифровой идеологии, возникающая на пересечении алгоритмической параметризации субъекта и имитации дискурсивного согласия.

Методологической основой данной работы служит философско-антропологический подход, предполагающий реконструкцию тех структурных характеристик субъектности, которые конституируют не только человеческую восприимчивость к суггестии, но и способность к ее преодолению. Концептуальный аппарат Б. Ф. Поршнева сопоставляется с теорией надзорного капитализма Ш. Зубофф (2022) и критической теорией цифрового капитализма К. Фукса (Fuchs, 2020), герменевтикой субъекта М. Фуко (2007) и традицией философской антропологии, восходящей к А. Гелену (Gehlen, 1988), а также с новейшими подходами к анализу идеологии (Федорченко, 2024; Buchanan, 2025; Buchanan, Levinson, 2024).

Практическая значимость исследования состоит в том, что диагностика псевдоубеждения как особой формы цифрового идеологического господства позволяет переосмыслить основания стратегий информационной политики и медиаобразования. Если алгоритмическая контр-контрсуггестия воспроизводится не через пропаганду конкретных идей, а через управление условиями их восприятия, то и противодействие ей не может сводиться к верификации «фейков» или повышению индивидуальной медиаграмотности. Оно предполагает институциональное проектирование цифровой среды, обеспечивающее структурные условия для встречи конкурирующих суггестий.

Обсуждение и результаты

Суггестия в философско-антропологическом измерении

Центральный тезис Б. Ф. Поршнева состоит в том, что исходным материалом социально-психических отношений является не взаимодействие автономных субъектов, а «принудительная сила слова» (2010, с. 201). «Исходное свойство человеческой речи – выполняемая словом функция внушения (суггестии)» (Поршнев, 2010, с. 190). Суггестия предполагает полное доверие к внушаемому содержанию. «Психическая общность (“мы”) в ее предельном чистом случае представляет собой своеобразное поле суггестии, или абсолютной веры» (Поршнев, 2010, с. 193).

Суггестия – это онтологическое условие коммуникации. Прескриптивная функция речи первична по отношению к дескриптивной. Слово побуждает или тормозит действие другого. И лишь затем описывает окружающий или внутренний мир. При этом суггестивное воздействие не зависит от намерений говорящего. Для понимания специфики функционирования идеологии в эпоху цифрового капитализма это положение

концепции Б. Ф. Поршнева приобретает особую значимость. Алгоритмически генерируемый контент оказывает суггестивное воздействие не благодаря чьим-либо скрытым целям, а в силу архитектуры самой цифровой среды. «В этой модели алгоритмические системы создаются с целью максимизации прибыли путем оптимизации бизнес-процессов, повышения вовлеченности пользователей, таргетированной рекламы и прогнозирования потребительского поведения» (Gondek, Tutak, Gondek, 2025, p. 377).

Концепция Б. Ф. Поршнева обнаруживает нетривиальное структурное сродство с философской антропологией А. Гелена. Характеризуя человека как «недостаточное существо», биологически незавершенное и поэтому «открытое миру», А. Гелен показывает, что эта открытость порождает колоссальную нагрузку на субъекта, которую он не способен нести в одиночку. «Человек не способен выжить в подлинно естественных и примитивных условиях из-за своей органической неприспособленности и отсутствия природных средств защиты и приспособления» (Gehlen, 1988, p. 29). Этот дефицит компенсируют социальные институты, которые превращают потенциально бесконечный горизонт человеческих возможностей в предсказуемый порядок рациональных действий, избавляя субъекта от необходимости непрерывного экзистенциального выбора.

Суггестия у Б. Ф. Поршнева выполняет ту же компенсаторную функцию, но только не через объективированные нормы и практики, а через прямое формирование предсказуемой реакции субъекта. Суггестия заполняет «экзистенциальный вакуум», который онтологическая незавершенность человека оставляет открытым, конституируя «готовое поведение» из внешнего источника. Оба рассмотренных механизма (социальный институт у А. Гелена и суггестия у Б. Ф. Поршнева) решают аналогичную задачу. Она заключается в том, чтобы стабилизировать человека как существо, лишенное жесткой биологической программы.

Если опираться на синтез идей А. Гелена и Б. Ф. Поршнева, то цифровая платформа – это новейший институт, функционирование которого «вернулось» к доинституциональной суггестивной логике, но только реализуя ее с технической точностью, недоступной никакой предшествующей форме воздействия. Важнейшим механизмом в этой модели служит «фильтр недоверия», то есть психический барьер, блокирующий принятие информации вне зависимости от ее истинности или ложности. «Информация между людьми проходит через фильтр доверия и недоверия... канал информации может быть заблокирован явлением недоверия, которое, очевидно, может быть объяснено только тем, что прием информации без этого задерживающего устройства в пределе приносит принимающему ущерб» (Поршнева, 2010, с. 187-188). Недоверие как раз и возникает при столкновении конкурирующих суггестий. Это связывает концепцию Б. Ф. Поршнева с анализом внедискурсивных форм идеологии в эпоху цифрового капитализма (Трунов, 2026а).

Существенно, что этот «фильтр недоверия» не является нейтральным эпистемическим инструментом. Он сам формируется в ходе суггестивного взаимодействия, а его настройка определяется той общностью («мы»), к которой принадлежит субъект. Контрсуггестивная защита встроена в суггестивную матрицу и является ее же продуктом, а не выходом за ее пределы. Поэтому критическая рефлексия не может быть активирована извне средствами одной лишь рациональной критики. Как раз наоборот, она требует «встречи суггестий», которая в условиях алгоритмической сегрегации информационных потоков становится все менее вероятной.

Диалектика суггестии и контрсуггестии. Историческая типология форм идеологического господства

Б. Ф. Поршнева рассматривает контрсуггестию как необходимую антитезу суггестии. По его словам, «вся история людей есть разное сочетание повиновения и неповиновения, послушания и непослушания, покорности и непокорности» (Поршнева, 2010, с. 196). Контрсуггестия – это не просто психическая самозащита от «принудительной силы слова», но «непосредственно психологический механизм осуществления всех и всяческих изменений в истории» (Поршнева, 2010, с. 196). Механизмы контр-контрсуггестии направлены на нейтрализацию этой защиты и восстановление суггестивного воздействия в более продвинутых формах.

Анализ основных форм суггестии и ответных механизмов контрсуггестии (Поршнева, 2010) позволяет выстроить историческую типологию, которая одновременно является иллюстрацией нарастающей технической изощренности идеологического господства. Ее суть заключается в том, что каждый новый цикл контр-контрсуггестии не отменяет предшествующих достижений контрсуггестии, а присваивает их форму.

Первый тип – *прямая суггестия*. На начальном этапе человеческой истории суггестивное воздействие осуществляется в условиях непосредственного совместного существования людей. Контрсуггестия принимает простейшую форму и выражается в физическом уклонении от источника суггестии. Ответная контр-контрсуггестия – это принудительное нахождение людей в едином физическом и социальном пространстве. Здесь «фильтр недоверия» не получает материала для активации.

Второй тип – *суггестия авторитета*. По мере усложнения социальной организации общества суггестия институционализируется в форму авторитета (религиозного, политического, кастового, сословного). «Авторитет правителя, лидера, вождя, старейшего... на протяжении тысячелетий человеческой истории есть блокада несогласия, непослушания, непокорности» (Поршнева, 2010, с. 207). Контрсуггестия принимает форму критического мышления и неизбежного сомнения в легитимности авторитета. Ответная контр-контрсуггестия – это насилие, которое буквально «ломает» механизм контрсуггестии и тем самым обнажает субъекта социальной власти.

Третий тип – *суггестия письменности*. Письменная речь воспроизводит суггестию в качественно новом режиме. Как правило, она носит монологический характер и лишает субъекта возможности вступить в диалог с источником суггестии. «Долгие века для неграмотных письмены были тождественны абсолютно неприручаемой и вечной истине» (Поршнева, 2010, с. 208). Вместе с тем письменность создает инфраструктуру

для накопления альтернативных суггестий и их публичного столкновения. Просвещение можно охарактеризовать как своеобразный «взрыв» контрсуггестии. Известный постулат И. Канта о необходимости «пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» (1966, с. 27) представляет собой программную контрсуггестию, возведенную в главный моральный принцип всей эпохи модерна. Ответная контр-контрсуггестия – это господство инструментальной рациональности, которая, как показали М. Хоркхаймер и Т. Адорно (1997), со временем одерживает победу над критическим мышлением.

Четвертый тип – *псевдонаучная суггестия*. Отсылки к «проверяемым фактам» воспроизводят тезаурус Просвещения как форму легитимации инструментальной рациональности, нивелируя при этом содержание просветительского императива самостоятельного суждения мыслящего субъекта. Контрсуггестия здесь реализуется через медиаграмотность и экзистенциальное недоверие к получаемому контенту.

Между четвертым типом суггестии и цифровой идеологией, однако, имеется качественный рубеж. Псевдонаучная суггестия сохраняла внешний источник авторитета (науку, экспертизу, верифицируемое знание), который субъект мог принять или отвергнуть как инстанцию, стоящую вне его. Контрсуггестия в этом случае еще располагала точкой опоры. Она могла апеллировать к альтернативной интерпретации фактов. Цифровая контр-контрсуггестия это препятствие устраняет. Алгоритм «встраивается» в саму процедуру рационального суждения, то есть определяет последовательность, в которой появляется информация; формирует горизонт того, что вообще становится «вопросом» индивидуального или публичного обсуждения; конструирует набор ответов, из которых субъект выбирает наиболее приемлемый для него вариант. При этом «фильтр недоверия» не блокируется, поскольку является содержанием суггестии.

На всем протяжении человеческой истории прослеживается своеобразная диалектика присвоения. Традиция присваивает ритуал, насилие присваивает авторитет, авторитет присваивает аргумент, псевдонаучная суггестия – верификацию. Цифровая идеология замыкает эту последовательность, присваивая саму структуру критического мышления. Персонализированная «проверка» данных, алгоритмически подобранные «доказательства», интерфейс «самостоятельного выбора» – все это новейшие формы убеждения.

Выявленная Б. Ф. Поршневым диалектика присвоения обнаруживает поразительное структурное сходство с теорией гегемонии А. Грамши. Итальянский мыслитель рассматривает идеологическое господство не как навязывание ложных представлений индивиду, а как конструирование общественного согласия, при котором субъект воспроизводит свое подчинение на добровольной основе. По его словам, «идеологии вовсе не произвольны; они представляют собой реальные исторические явления, с которыми нужно бороться и разоблачать их сущность как орудий господства исходя не из нравственных соображений и т. п., а именно из требований политической борьбы: чтобы сделать руководимых духовно независимыми от руководящих, чтобы покончить с гегемонией одних и установить гегемонию других, ибо таково необходимое условие переворачивания практики» (Грамши, 1991, с. 268-269). Л. Альтюссер вводит понятие интерпелляции – механизма, посредством которого идеология «окликает» индивида и тем самым конституирует его как субъекта. «Всякая идеология обращается к конкретным индивидам или “интерпеллирует” их как конкретных субъектов» (Althusser, 2014, р. 190). Однако вопрос о том, почему субъект склонен принимать чужие смыслы как собственные, у обоих мыслителей так и остается антропологически необоснованным. Концепция Б. Ф. Поршнева заполняет именно этот пробел. Речь не просто «окликает» субъекта, но формирует его реакцию на уровне, предшествующем всякой рефлексии. Именно в силу той онтологической незавершенности, которую А. Гелен описывал как исходную «открытость» человека ко внешнему структурированию его поведения.

Алгоритмическая рациональность как контр-контрсуггестия нового типа

Концепция Б. Ф. Поршнева при ее системном рассмотрении обнаруживает значительный объяснительный потенциал применительно к цифровому капитализму. Ш. Зубофф описывает алгоритмическую рациональность как механизм, ориентированный на предсказуемость и модификацию поведения пользователей. «Инструментарная власть стремится организовать, направить в нужную сторону и настроить общество для достижения подобного же социального слияния, при котором групповое давление и математическая предсказуемость заменяют политику и демократию, уничтожая субъективное ощущение и социальный смысл индивидуализированного существования» (Зубофф, 2022, с. 33). Цифровые платформы формируют пространство «мы» («поле суггестии») не через непосредственное словесное воздействие, а через инфраструктурную архитектуру.

В рамках критической теории цифрового капитализма К. Фукс демонстрирует, что существующие платформы представляют собой специфическую форму капиталистического производства, в которой коммуникация сама становится источником прибавочной стоимости. Цифровые медиа функционируют как инфраструктура эксплуатации, извлекающие прибавочную стоимость из пользовательской активности (Fuchs, 2020). Однако предложенный им политэкономический анализ оставляет открытым вопрос о том, почему субъекты добровольно воспроизводят собственную эксплуатацию этими структурами. В терминах концепции Б. Ф. Поршнева это означает, что критическая теория коммуникационного капитализма адекватно описывает условия производства цифровой идеологической власти, но нуждается в философско-антропологическом дополнении, объясняющем суггестивный механизм индивидуального и коллективного согласия. Вследствие этого цифровая платформа выступает не только экономической инфраструктурой эксплуатации, но и пространством контр-контрсуггестии, в котором капитализация коммуникации совпадает с нейтрализацией контрсуггестивных механизмов субъекта.

Понятие алгоритмической рациональности, которым оперирует Ш. Зубофф, также нуждается в более точном определении. «Алгоритмическая рациональность, – отмечает в этой связи Р. В. Пеннер, – это способ принятия решений, предполагающий использование данных и конституирующийся последовательностью операций» (2026, с. 181). Ее также можно рассматривать как «расширяющуюся систему принятия решений и конструирования социальной реальности, которая конституируется логикой вычисления и вероятностного прогноза и представлена цифровыми структурами» (Пеннер, 2026, с. 182).

Механизм нейтрализации контрсуггестии здесь принципиально иной, нежели в предшествующих исторических типах. Б. Ф. Поршнев указывал, что «развитие мышления есть основная, генеральная линия контрсуггестии» (2010, с. 200). Соответственно, наиболее эффективная контр-контрсуггестия должна либо «обходить» мышление, либо имитировать его результаты. «Функционально алгоритмы не являются нейтральным зеркалом реального мира, но играют роль редакторов или создателей информации/данных, которые, опираясь на определенную идеологию, решают, что достойно внимания» (Gondek, Tutak, Gondek, 2025, р. 382). Платформа предъявляет субъекту не «приказы», обязательные к исполнению, а «релевантный контент», который согласуется с его предшествующими убеждениями. Субъект не ощущает принуждения и потому не задействует контрсуггестивную защиту.

Б. Ф. Поршнев настаивал на том, что «всякая замкнутость – родовая, семейная, племенная, этнокультурная, культовая – в истории служила на пользу суггестии» (2010, с. 206). Эта замкнутость создает условия, при которых конкурирующие суггестии не встречаются в сознании субъекта, а «фильтр недоверия» не активируется. «Пузыри фильтров» и «эхо-камеры» воспроизводят ту же логику (Родосский, 2023, с. 254-266). Они функционируют как алгоритмически сконструированные «мы», в которых монополия одной суггестии обеспечивается информационной изоляцией. Технически субъекты вовсе не лишены доступа к альтернативным суггестиям. Однако архитектура цифровых платформ систематически снижает вероятность их появления.

Механизм суггестивной замкнутости, воспроизводимый «эхо-камерами», получил детальное описание в научной литературе. В. А. Бажанов показывает, что «архитектура эхо-камер построена на жестком принципе различия “свой” – “чужой”, поскольку в них функционируют инструменты отсеивания “чужих”, подавления и разоблачения позиций, которые по своему содержанию несовместимы или противоречат доминирующим в данном сообществе взглядам» (2022, с. 156). Попытки «переубедить субъекта», оказавшегося внутри подобной структуры, рациональными аргументами извне «фактически невозможны: ее устройство эффективно отторгает все доводы и факты» (Бажанов, 2022, с. 159).

«Фильтр недоверия» внутри «эхо-камеры» переключен в режим постоянной активации по отношению ко всему, что поступает извне «поля суггестии», а также в режим устойчивой деактивации применительно к суггестиям, генерируемым внутри него. Аналитическую точность этой закономерности подтверждают исследования идеологической поляризации в социальных сетях. Так, при столкновении с контрсуггестивной информацией индивид реагирует не ее критическим переосмыслением, а поиском «изъянов» в позиции оппонента, что лишь укрепляет уже сложившееся убеждение (Spohr, 2017, р. 154).

Описанный механизм получает концептуальное углубление в понятии «доксастической иммунной системы» идеологии. Согласно А. Бьюкенену, идеологии включают в себя не только убеждения, но и механизмы управления убеждениями, «основная функция которых – сохранять ядро убеждений перед лицом очевидно противоречащих свидетельств или суждений» (Buchanan, 2025, р. 120). Алгоритмически сконструированная «эхо-камера» функционирует именно как такая «доксастическая иммунная система». Ее «иммунитет» встроен не в содержание убеждений, а в саму архитектуру информационной среды, что делает его принципиально более устойчивым к внешней критике, нежели традиционные идеологические системы.

Б. Ф. Поршнев характеризовал письменную речь как первую историческую форму одностороннего воздействия, на которое «нельзя ответить» (2010, с. 208). Согласно аргументации советского ученого, она лишала субъекта возможности вступить в диалог с источником суггестии. Алгоритмизированная коммуникация воспроизводит эту же структуру, но только в несопоставимо больших масштабах. Как замечает Ш. Зубофф, цель алгоритмической системы как «реализующей машины» заключается в том, чтобы «обеспечить большую предсказуемость в том, что касается нас, для них» (2022, с. 267). Если письменность как «платформа» монологической суггестии сформировала условия для сакрализации авторитета, отчуждая источник суггестии в трансцендентное пространство, то алгоритм переносит этот источник в персонализированную инфраструктуру цифрового потребления, делая его еще менее видимым.

Избыточность человеческого как структурный предел цифровой суггестии

Б. Ф. Поршнев подчеркивал, что «суггестия не исчезает в ходе истории – она наблюдается в видоизменениях по мере роста и усложнения контрсуггестии» (2010, с. 197). Это диалектическое единство неустранимо, поскольку «всякая контрсуггестия не уничтожает суггестию, а лишь загоняет ее в узкие, жесткие ограничения» (Поршнев, 2010, с. 204). В философско-антропологическом горизонте это означает, что онтологическая незавершенность человека конституирует имманентный предел всякой попытки тотальной суггестивной фиксации субъекта.

В этом пункте концепция Б. Ф. Поршнева соприкасается с тезисом об «избыточности человеческого» как структурном пределе алгоритмической рациональности. Избыточность понимается как «онтологическая несводимость человеческого опыта к его измеряемым параметрам, содержащая в себе потенциал непредсказуемости» (Трунов, 2026b, с. 233). Применительно к модели Б. Ф. Поршнева это означает следующее: сколь

бы совершенной ни была архитектура алгоритмической контр-контрсуггестии, она неизбежно воспроизводит человеческую избыточность как внутреннее условие своего функционирования. Система объективно нуждается в «живом» человеке как источнике новых поведенческих данных.

Этот тезис конкретизируется в свете исследований позднего М. Фуко. В лекциях в Коллеж де Франс он описывал «заботу о себе» не как психологическую интроспекцию, а как практику конституирования себя в качестве субъекта через активное отношение к собственному существованию. «Необходимо, чтобы ты заботился о себе самом, не забывал себя, берег себя» (Фуко, 2007, с. 17). При этом «принцип заботы о себе стал общим условием любого разумного поведения, всякой формы деятельности» (Фуко, 2007, с. 21). Здесь важно именно то, что «забота о себе» предшествует отношению к истине. Практики самоотнесения (аскеза, медитация, дружба) суть антропологические техники конституирования субъектности, которая не «отображается» в поведенческих данных, поскольку является отношением, а не свойством.

Здесь и обнаруживается принципиальный предел алгоритмической параметризации. Цифровые платформы аккумулируют следы поведения: клики, паузы, траектории просмотра, реакции пользователей. Алгоритм работает с историей действий, то есть с хаотичным скоплением цифровых следов, но не с практикой самоотнесенности. «Забота о себе» представляет собой структурный ресурс контрсуггестии, укорененный не в рефлексивном мышлении, которое весьма эффективно имитируется современными большими языковыми моделями, а в практической самоотнесенности субъекта, которая не поддается алгоритмической обработке.

Б. Ф. Поршнев характеризовал самовнушение как форму контрсуггестии: «...заменяя внушение самовнушением, человек все равно подчиняет свои действия “как закону” этой воображаемой суггестии – цели, присутствующей в его сознании идеально» (2010, с. 203). Цифровые платформы воспроизводят именно этот механизм. Пользователь воспринимает алгоритмически сформированные предпочтения как аутентичные. Иллюзия автономии сохраняется, тогда как суггестивная детерминация остается структурно неизменной. «Забота о себе» принципиально отличается от этой имитации. Ведь она представляет собой не «иллюзию автономии», а ту действительную практику конституирования субъекта, которую алгоритм не способен воспроизвести изнутри или нейтрализовать снаружи.

Алгоритмически сконструированный «цифровой пузырь» не уничтожает контрсуггестивную способность как таковую, но систематически устраняет поводы для ее актуализации, не допуская в поле восприятия конкурирующих суггестий достаточной силы. Вследствие этого контрсуггестия оказывается в бездействующем состоянии, подобно мышцам, которые атрофируются без соответствующей нагрузки. Однако при надлежащей «нагрузке» эта функция восстанавливается. «Избыточность человеческого» как онтологическая несводимость к совокупности измеримых параметров как раз и обеспечивает принципиальную обратимость суггестивного захвата. Онтологическая незавершенность человека, которую А. Гелен описывал как биологический дефицит, а М. Фуко наполнял содержанием через практики «заботы о себе», оказывается одновременно условием и источником структурной обратимости цифровой суггестии.

Цифровая идеология как псевдоубеждение

Б. Ф. Поршнев проводил принципиальное различие между суггестивным внушением, манипулятивным убеждением и подлинным убеждением. Суггестия воздействует непосредственно, то есть минуя рефлексию. Манипуляция апеллирует к рефлексии, но через агента, скрывающего свои мотивы. Подлинное убеждение – это то, против чего субъект «не может применить фильтр недоверия к самому себе» (Поршнев, 2010, с. 209). Оно верифицируемо и воспроизводимо независимо от источника. Особое место в этом ряду занимает псевдоубеждение. Оно воспроизводит форму научного доказательства при фактическом отсутствии его содержания. Верифицируемость данных не обеспечивается, логическая строгость имитируется, а выводы обусловлены самой структурой суггестивного воздействия.

Псевдоубеждение занимает промежуточное положение в классификации, которую предлагает Д. Шмидтц в своей постановке вопроса о разграничении философии и идеологии. По наблюдению этого исследователя, идеологическое рассуждение «работает на то, чтобы изолировать себя от проверяемости», тогда как научное рассуждение «рассматривает выводы, обоснованные свидетельствами, как предварительные и подлежащие дальнейшей проверке» (Schmidt, 2024, p. 6). Псевдоубеждение как форма цифровой идеологии воспроизводит именно эту изоляцию, однако делает это не через открытый отказ от верификации, а через имитацию ее процедуры.

Субъект убежден, что он «проверяет» факты, тогда как совокупность доступных ему эмпирических данных определена алгоритмической архитектурой. Показательно, что Д. Шмидтц связывает подобную «изоляцию от проверяемости» с трансформацией убеждения в элемент идентичности: «...как только я решаю видеть все как вписывающееся в определенную схему, и это решение становится тем, что дает мне ощущение идентичности, я пересекаю черту» (Schmidt, 2024, p. 3). В терминах концепции Б. Ф. Поршнева это означает включение убеждения в «поле суггестии», то есть в структуру «мы». Персонализированный контент конституирует «мы» субъекта прежде, чем тот успевает отрефлексировать собственные убеждения.

Манипуляцию разоблачить не так уж сложно. Достаточно обнаружить агента и понять его действительные мотивы. Классическая идеология, в трактовке К. Маркса и Ф. Энгельса – «перевернутое сознание» (1955, с. 25), воспроизводится как системный эффект классовых отношений («мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» (1955, с. 45)) и может быть преодолена через научную критику

капитализма. Напротив, псевдоубеждение воспроизводится как структурный эффект цифровой архитектуры, конструирующей информационную среду таким образом, что «фильтр недоверия» субъекта, как правило, не активируется. Именно поэтому цифровая идеология выходит за пределы как классической критики манипуляции, так и критики коммуникационного капитализма, представленной, например, в монографии К. Фукса (Fuchs, 2020), поскольку воспроизводится не только как экономическое отношение, но и как антропологически укорененный механизм суггестивного согласия.

Понятие «дефектной социально-эпистемической среды», введенное А. Бьюкененом, позволяет концептуально заострить это различие. Согласно его аргументации, доминирующие иерархии воспроизводят свое господство прежде всего посредством нескольких взаимосвязанных механизмов: 1) произвольного ограничения информации, способной стать основой для оспаривания их власти; 2) насаждения ложных идеологических убеждений, легитимирующих существующий порядок; 3) лишения масс возможности участвовать в процессах формирования общих убеждений (Buchanan, 2025, p. 26). У А. Бьюкенена «дефектная социально-эпистемическая среда» создается агентами, то есть господствующими в обществе силы управляют информационным пространством в своих интересах. Псевдоубеждение как форма цифровой идеологии воспроизводит ту же дефектную среду, поскольку алгоритмически сконструированное информационное пространство столь же последовательно исключает конкурирующие суггестии.

Сказанное согласуется с характеристикой цифровых платформ, которую предлагает С. Н. Федорченко в рамках развития подхода Л. Альтюссера. Российский исследователь характеризует цифровые платформы как «интеллектуальные идеологические аппараты», которые «действуют в интересах своих политических или корпоративных заказчиков и вместо внедрения строгих идейных догматов перманентно тестируют более гибкие мифологические смыслы» (Федорченко, 2024, с. 10). Это точно описывает функциональную логику псевдоубеждения. В отличие от классической идеологии модерна, предлагающей устойчивую систему ядерных концептов, образующих конкретный «изм» (Kurumäki, Marjanen, 2018), оно производит непрерывно обновляемый поток «релевантного контента», который субъект воспринимает как аутентичное выражение собственных предпочтений.

Принципиально здесь то, что «программное обеспечение является функциональным аналогом идеологии» (Федорченко, 2024, с. 14). «Цифровые ритуалы» выступают механизмами закрепления суггестивного воздействия через регулярную практическую деятельность пользователя, воспроизводя именно тот процесс, который Л. Альтюссер рассматривал как материальное существование идеологии: «Идеология существует в институтах и специфических для них практиках» (Althusser, 2014, p. 156). И далее: «Идеология представляет воображаемое отношение индивидов к их реальным условиям существования <...> то, что представлено в идеологии, – это не система реальных отношений, управляющих существованием индивидов, но воображаемое отношение этих индивидов к реальным отношениям, в которых они живут» (Althusser, 2014, p. 181, 183).

Феноменологически псевдоубеждение неотлично от подлинного убеждения. Субъект не чувствует себя «обманутым». Он ощущает себя «самостоятельно мыслящим человеком», находит внутри себя «согласие с очевидным», не обнаруживая никакого внешнего давления. Система «возвращает» субъекту его же мысли и установки. В силу этого состояние самовнушения, которое Б. Ф. Поршнев описывал применительно к доцифровым формам суггестии, здесь производится алгоритмически.

В модели Б. Ф. Поршнева субъект переживает суггестивно сформированное убеждение как «собственное» именно потому, что суггестия работает на уровне, предшествующем рефлексии, – то, что А. Грамши и Л. Альтюссер постулировали, но феноменологически не прояснили. Цифровые данные занимают ту же онтологическую нишу абсолютного авторитета, которую некогда занимал письменный текст. Однако с тем принципиальным отличием, что эти данные персонализированы и создают иллюзию индивидуального опыта. Концепция Б. Ф. Поршнева тем самым оказывается гораздо ближе к концепции власти-знания М. Фуко (1999), нежели к предложенным К. Марксом и Ф. Энгельсом структурному и дискурсивному толкованиям идеологии.

Стратегии медиаграмотности, ориентированные на верификацию «фактов» и разоблачение «фейков», действуют на уровне критики содержания получаемого контента, тогда как псевдоубеждение воспроизводится на уровне архитектуры цифровых платформ. Б. Ф. Поршнев (2010, с. 192) указывал, что «фильтр недоверия» реагирует не на истинность или ложность конкретного высказывания, а на структуру суггестивного отношения, например, на то, исходит ли суггестия от «своих» или «чужих». Поэтому преодоление псевдоубеждения требует не отделения «фактов» от «фейков», а реконструкции условий, при которых «фильтр недоверия» может быть активирован, то есть восстановления плюральности публичной сферы информационного общества как структурного условия контрсуггестии.

Концепция Б. Ф. Поршнева, таким образом, выступает не маргинальным социально-психологическим подходом, а философско-антропологическим основанием современной теории идеологии. Онтологическая незавершенность человека, описанная А. Геленом как биологический дефицит и тематизированная Б. Ф. Поршневым как его исходная восприимчивость к суггестии, есть не девиация, а норма. Именно поэтому идеологическое господство воспроизводится не через внешнее принуждение, а через конституирование субъекта изнутри. Это и есть то антропологическое основание, которое А. Грамши постулировал в понятии гегемонии, а Л. Альтюссер – в понятии интерпелляции, но которое ни тот ни другой мыслитель не сделали предметом развернутого философско-антропологического исследования.

Заключение

Предложенный анализ позволяет уточнить границы современных критических теорий цифрового общества. Исследования надзорного капитализма фиксируют трансформацию механизмов контроля. Системная критика коммуникационного капитализма раскрывает экономические основания цифровых платформ. Концепция Б. Ф. Поршнева демонстрирует антропологическое условие их эффективности, то есть способность цифровой среды воспроизводить суггестивное согласие без субъекта внушения. Цифровая идеология предстает не просто очередной стадией развития механизмов репрезентации символического порядка капитализма, но новой конфигурацией социальности, в которой производство коммуникации совпадает с производством субъекта.

Теоретические ресурсы, задействованные в данной статье, образуют логически связную объяснительную конструкцию. А. Гелен отвечает на вопрос, почему человек конститутивно открыт суггестивному воздействию. Б. Ф. Поршнев описывает механизм, посредством которого это воздействие исторически воспроизводится и усложняется. М. Фуко указывает на тот уровень субъектности (практику самоотнесения), который не поддается алгоритмической параметризации и конституирует имманентный предел цифровой суггестии. В совокупности эта конструкция дает то, чего по отдельности не давала ни одна из входящих в нее теорий, а именно: антропологическое основание идеологии, описание механизма ее цифровой трансформации и указание на структурный предел этой трансформации.

Концептуализация псевдодобуждения как специфической формы цифровой идеологии позволяет разграничить три принципиально различных механизма: манипуляцию, воспроизводящую суггестию через конкретного агента и потому подлежащую разоблачению; классическую идеологию модерна, функционирующую как системный эффект социальных отношений и преодолеваемую через их научную критику; псевдодобуждение, воспроизводящееся как структурный эффект цифровой архитектуры. Последнее требует не разоблачения конкретных фактических неточностей или сознательной лжи, а реконструкции тех институциональных условий, при которых, собственно, встреча конкурирующих суггестий становится возможной.

Из этого вытекает вывод о том, что стратегии, ориентированные на повышение индивидуальной медиаграмотности, действуют на уровне содержания контента, тогда как псевдодобуждение воспроизводится на уровне архитектуры цифровых платформ. Преодоление псевдодобуждения требует не только отделения «фактов» от «фейков», но и восстановления структурных условий контрсуггестии, то есть плюральности публичной сферы, при которой конкурирующие суггестии получают возможность «встречаться» в сознании субъекта.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с несколькими направлениями. Во-первых, предложенная типология исторических форм суггестии и контр-контрсуггестии нуждается в верификации на материале конкретных цифровых платформ и политических практик. Во-вторых, концептуализация «избыточности человеческого» как структурного предела алгоритмической рациональности требует дальнейшей разработки в диалоге с теориями субъектности. В-третьих, вопрос о том, при каких институциональных условиях «забота о себе» как практика самоотнесенности субъекта может быть реактивирована вопреки алгоритмической сегрегации информационных потоков, сохраняет актуальность как для философской антропологии, так и для политической философии и теории коммуникации.

Источники | References

1. Бажанов В. А. Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 4. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-4-152-164>
2. Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. / пер. с итал. М. Н. Грецкого и др. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1.
3. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
4. Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. Т. 6.
5. Магун А. Диалектика истории Бориса Поршнева // Стасис. 2017. Т. 5. № 2. <https://doi.org/10.33280/2310-3817-2017-5-2-218-246>
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / пер. с нем. И. И. Прейса и А. А. Уйбо. Изд-е 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3.
7. Пеннер Р. В. Из алгоритмической культуры в алгоритмическую рациональность // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 10. № 1. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2026-1-169-188>
8. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // Историческая психология и социология истории. 2010. Вып. 2.
9. Родосский Н. А. Постправда или фейк: проблема истины в социальных медиа. СПб.: Владимир Даль, 2023.
10. Трунов А. Идеология после дискурса: инфраструктурная власть и трансформация субъектности в условиях цифрового капитализма // KANT. 2026a. №1 (58). <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2026-58.17>
11. Трунов А. А. Избыточность человеческого как предел алгоритмической рациональности // Манускрипт. 2026b. Т. 19. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/mns20260031>
12. Федорченко С. Н. Политические идеологии в условиях цифровых технологических трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 2. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-7-26>

13. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций в Коллеж де Франс, 1981-1982 / пер. с франц. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
15. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. – СПб.: Медиум; Ювента, 1997.
16. Althusser L. On the Reproduction of Capitalism: Ideology and Ideological State Apparatuses. N. Y. – L.: Verso, 2014.
17. Buchanan A. Ideology and Revolution: How the Struggle against Domination Drives the Evolution of Morality and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2025.
18. Buchanan A., Levinson E. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects // Social Philosophy and Policy. 2024. Vol. 41. № 1. <https://doi.org/10.1017/S026505252400030X>
19. Fuchs Chr. Communication and Capitalism: A Critical Theory. L.: University of Westminster Press, 2020.
20. Gehlen A. Man: His Nature and Place in the World / transl. by C. McMillan, K. Pillemer. N. Y.: Columbia University Press, 1988.
21. Gondek N., Tutak G., Gondek J. Ideologies in Algorithms. How Do Ideologies Give Shape to Algorithms? // Studia Gilsoniana. 2025. Vol. 14. № 2. <https://doi.org/10.26385/SG.140213>
22. Kurunmäki J., Marjanen J. A rhetorical view of isms: an introduction // Journal of Political Ideologies. 2018. Vol. 23. № 3. <https://doi.org/10.1080/13569317.2018.1502939>
23. Schmidt D. Ideology // Social Philosophy and Policy. 2024. Vol. 41. № 1. <https://doi.org/10.1017/S0265052524000293>
24. Spohr D. Fake news and ideological polarization: Filter bubbles and selective exposure on social media // Business Information Review. 2017. Vol. 34. № 3. <https://doi.org/10.1177/0266382117722446>

Информация об авторах | Author information

Трунов Анатолий Анатольевич¹, к. филос. н., доц.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права

Anatoly Anatolyevich Trunov¹, PhD

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

¹ trunov2013@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.04.2026; опубликовано online (published online): 28.05.2026.

Ключевые слова (keywords): алгоритмическая рациональность; цифровое идеологическое господство; псевдоубеждение как идеология; структурный предел цифровой суггестии; избыточность человеческого; algorithmic rationality; digital ideological domination; pseudo-persuasion as ideology; structural limit of digital suggestion; excess of the human.